

А.А. Щелчков¹
A. Schelchkov

Левый вираж перонизма в «долгие» 1960-е гг.²

Leftturn of the peronism in the «long» 60's.

Аннотация: Аргентинские 60-е годы XX в. были временем нарастающей политической напряженности и появления новых идейно-политических движений, составивших эпоху революционного активизма и идейного поиска. Ключевым действующим лицом в этом процессе был левый перонизм, переживавший в эти годы резкую эволюцию в направлении марксизма, новых левых идейных течений, антиимпериалистического единства стран «третьего мира». Сближение левых перонистов с марксизмом в его классическом (советском), маоистском, грамшианском и даже троцкистском вариантах вызвал к жизни появление плодотворного течения «новых левых», имевших решительное влияние на аргентинскую общественную мысль и политическую повестку дня. 60-е годы были ключевыми для дальнейшей истории Аргентины, как в политическом, так и в идейно-общественном плане. Левых перонизм привнес в аргентинскую политику много нового, как революционное насилие, так и стремление воспринять идеи у других левых течений, не только марксизма, но и социального католицизма, «теоло-

---

¹ **Щелчков Андрей Аркадьевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; **Andrey Schelchkov** – doctor in history, investigator of the Institute of World History of the Russian Academy of science. Mail: sch2000@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7780-781X

² Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00305, «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы»

гии освобождения» и терсермундизма. Идеино-политическим процессам внутри левого перонизма в 60-е годы, его взаимодействию с «новыми левыми», коммунистами и социалистами, кастризмом и маоизмом, выработке им своей собственной концепции национально-освободительной революции и национального социализма посвящена данная работа.

Ключевые слова: перонизм, Аргентина, революционное насилие, национальное освобождение, «новые левые», марксизм, национализм

Abstract: The Argentinian 60s of the XX century were a time of growing political tension and the emergence of new ideological and political movements that constituted the era of revolutionary activism and ideological search. The key actor in this process was left-wing Peronism, which experienced a sharp evolution in the direction of Marxism, new left ideological currents, and the anti-imperialist unity of the «Third world» countries during these years. The rapprochement of the Peronist left with Marxism in its classical (Soviet), Maoist, Gramscian and even Trotskyist versions gave rise to the emergence of a fruitful current of the «new left», which had a decisive influence on Argentine social thought and political agenda. The 60s were key for the further history of Argentina, both politically, ideologically and socially. Left-wing Peronism brought a lot of new things to Argentine politics, both revolutionary violence and the desire to perceive ideas from other left-wing currents, not only Marxism, but also social Catholicism, «liberation theology» and tercermundism. Ideological and political processes within left-wing Peronism in the 60s, its interaction with the «new left», communists and socialists, castrism and Maoism, the development of its own concept of the national liberation revolution and national socialism is devoted to this work.

Keywords: peronism, Argentina, revolutionary violence, national liberation, the New Left, Marxism, nationalism

---

DOI: 10.32608/2305-8773-2021-31-1-223-251

Взаимное движение сближения марксистов и перонистов в период после свержение Перона в 1955 г. и проскрипция перонизма в политической жизни Аргентины дали жизнь интересному интеллектуальному, а затем и политическому движению левого перонизма. Это было время формирования нового взгля-

да на перонизм со стороны левых. Крупнейшими интеллектуальными фигурами этого сближения с марксизмом были Родольфо Пуиггрос, пришедший из компартии, троцкист Хорхе Абелардо Рамос, радикал Хуан Хосе Эрнандес Арреги и стойкий перонист Джон Вильям Кооке. Они предлагали соединение перонизма и социализма, марксизма. Лидер троцкистской партии «Рабочее слово» Науэль Морено называл свое движение «революционным рабочим перонизмом»³. Перонистское сопротивление после переворота 1955 г., чтобы быть эффективным, должно было опереться на народные массы, а конкретнее на рабочий класс. Некоторые историки называют этот процесс «пролетаризацией перонизма»⁴. В рабочем движении, традиционно про-перонистском, циркулировали воззвания, листовки, брошюры «перонистского сопротивления», которые представляли по содержанию смесь анархо-синдикализма, положений и терминологий, характерных для марксизма, и заверений в верности Перону⁵.

Тренд перонизма влево после переворота 1955 г. был настолько очевиден, что уже в 1957 г. в печати появились определения перонизма как «лево-троцкистской тенденции»⁶. 60-е годы были временем, когда казалось, что марксизм в его европоцентристской интерпретации социалистов и коммунистов отходил в прошлое, наполняя свое содержание латиноамериканской спецификой, задачами национального освобождения, разрывавшими теоретические догмы и концепции «вечно проигравших» коммунистов. Кубинская революция стала тем ускорителем, который способствовал быстрому и естественному сближению левых перонистов с марксизмом.

В 60-е годы наблюдается смена фронта, меняется образ перонизма у его традиционного противника, старых марксистских партий, в первую очередь социалистов, в рядах которых выделилось левое крыло, молодежь, готовая идти на сближение и

---

³ Burgos, 2004. P. 144.

⁴ Stavale, 2017. P. 79.

⁵ James, 2006. P. 135.

⁶ Gil, 2019. P. 39-40.

сотрудничество с перонизмом⁷. Диссиденты коммунистической партии, в основном, сторонники кастризма и маоизма, были более склонны видеть в перонистах естественных союзников, в то время как КПА твердо держалась антиперонистских позиций. Эти процессы взаимного влияния, союзничества и взаимного проникновения привносили новые идейно-политические элементы как в среду марксистских партий, так и в ряды левого перонизма.

После провала электоральных попыток перонизма преодолеть проскрипцию, установленную военными в 1955 г., в движении произошли серьезные изменения, санкционированные самим Пероном, положившие начало «поворота влево». Сам Перон до 1962 г. явно склонялся к левым позициям, а потом его позиция была столь неопределенна и двусмысленна, что позволяла каждому направлению в движении интерпретировать ее в свою пользу, пока после возвращения к власти в 1973 г. четко не определил, что ему не по пути с левыми. В июле 1962 г. собрание «62» перонистских организаций в Уэрта-Гранде (Кордоба) приняло программу, свидетельствующую о повороте влево. Программа предусматривала национализацию банков и стратегических отраслей, экспроприацию помещичьей собственности. Впервые партия включила в программу требование рабочего контроля над производством⁸. Эти изменения вызвали волну энтузиазма в рядах марксистской левой, увидевшей возможность союза с перонистским рабочим движением⁹.

Новая идеология: на пути слияния перонизма и марксизма

Родольфо Пуиггрос был одним из первых, кто предпринял попытку соединить перонизм и марксизм, рассматривая аргентинскую историю сквозь призму «народного национализма» при опоре на марксистскую теорию и метод. Пуиггрос пришел к перонизму после неудачного политического опыта пребывания

---

⁷ Política y Cultura, 2016. P. 123

⁸ Massot, 2013. P. 148.

⁹ Tortti, 2009. P. 319.

ния в компартии Аргентины¹⁰. Еще в 30-е годы он твердо воспринял «сталинскую» теорию революции, согласно которой существовали её отдельные этапы. Теория «этапов» составила основу его взглядов: в Аргентине предстояло завершить буржуазно-демократическую революции, прежде чем приступать к социалистическим преобразованиям. Для этого был необходим политический союз различных классов. В 30-е годы политическим союзником ему представлялся радикальная партия, а позднее – перонизм¹¹.

В 1946 г. Пуиггрос был исключен из компартии за поддержку диссидентской группы железнодорожников, критиковавших руководство КПА за браудеризм. Исключенные отправили Пуиггроса в Бразилию в поисках поддержки Л.К. Престеса, что было бесполезным действием. Затем в 1949 г. они создали «Рабочее коммунистическое движение» (МОС), требовавшее созыва чрезвычайного съезда партии. Пуиггрос стал издавать газету группы «Lucha de clases».

В 50-е годы Пуиггрос говорил о необходимости объединения левых с перонизмом, поддерживал этатистский курс Перона. Его идея состояла в том, что раз национальная буржуазия неспособна осуществить буржуазную революцию и модернизацию, пусть её место займет государственный капитализм при растущем влиянии и участии рабочего класса в организации производства¹². Пуиггрос познакомился в Пероном, и между ними установились добрые или почти дружеские отношения. Переход традиционных левых в лоно перонизма не был ни массовым, ни успешным. Херман Хиль указывает, что из крупных фигур левого фланга в сторону перонизма перешли немногие, из них крупными фигурами были Пуиггрос и социалист Дикманн¹³. После переворота 1955 г. МОС Пуиггроса было расформировано, а его члены влились в «Перонистское сопротивление».

---

¹⁰ В 18 лет он побывал в Советской России в качестве туриста (1924 г.)

¹¹ Friedemann, 2014. P. 27.

¹² Acha, 2006. P. 148-149.

¹³ Gil, 2019. P. 30.

ние» (RP). Он был активен в сопротивлении и в 1961 г. был вынужден эмигрировать.

Работа «Пролетариат в национальной революции» (1958) была первым его трудом, где он высказал идеи, примиряющие его марксизм с перонизмом, в основе которых был тезис «экономического национализма». Пуиггрос, уйдя от коммунистов, не перестал думать в парадигме «этапистской» концепции революции Коминтерна и политики фронтов, включавшей в себя сотрудничество с мелкой и средней национальной буржуазией. Он критиковал коммунистов, и даже Ленина, за то, что они не смогли понять значение вопроса национального освобождения в эпоху империализма, защищал политику развития государственного капитализма, которую воплощал собой перонизм, так как, хотя госкапитализм по-прежнему остается капитализмом, он содержит в себе элементы социализма, выходя в своем функционировании за рамки частного интереса¹⁴. И без этого этапа переход к социализму был невозможен.

Пуиггрос считал перонизм «антиолигархическим и антиимпериалистическим фронтом», в котором объединились естественные союзники – промышленная буржуазия, мелкая буржуазия, националистически настроенные военные и рабочий класс, и последний являлся фундаментом и залогом успеха коалиции¹⁵. Перон не смог объединить движение за национальное и социальное освобождение, что и стало причиной его падения. Он и не мог этого сделать, так как стремился к классовому сотрудничеству, к примирению между трудом и капиталом, что являлось утопией. Хустисиалистское государство как продукт союза пролетариата и буржуазии являлось только промежуточным этапом к социализму¹⁶.

В 1965 г. состоялась полемика Пуиггроса в А. Гундер Франком, опубликованная в мексиканской газете «El Día». Гундер Франк критиковал идеи Пуиггроса о способе производства в Америке, появившемся в результате испанской конкисты, со-

---

¹⁴ Puiggrós, 1968. P. 79.

¹⁵ Puiggrós, 1968. P.160.

¹⁶ Friedemann, 2014. P. 57-58.

гласно которым феодальные пережитки породили «рахитичный капитализм». Идеи аргентинца приводили к тезису, что выход из существующего положения состоит в подлинной буржуазной революции и реальности создания «нормального» капитализма¹⁷. Пуиггрос в историческом прошлом Аргентины искал примеры того, что для него было чем-то вроде «антиимпериалистического протекционизма», противостоящего либерализму¹⁸.

Пуиггрос как марксист видел историческую цель в социализме, который был логически и идеологически связан с рабочим классом, который в Аргентине был перонистским, то есть сохранял политическую и психологическую верность Перону. Пуиггрос предложил свое видение проблемы Перона: «Лидерство – это не односторонняя, единоличная история, так как его порождает взаимозависимость и единство с народными массами, которые его признают как лидера и ему ставят условия... Лидер – он сам создатель, но при это и сам создаваемый». Для Пуиггроса Перон был манипулятором. Его интересовала не фигура вождя, что было важным, но второстепенным, в то время как главным вопросом была форма прихода к власти, вооруженной революции¹⁹. И этот принципиальный вопрос вооруженной борьбы привел Пуиггроса не только в ряды левых перонистов, но и сделал его активным членом Peronismo Montonero Auténtico. Для него перонизм был «народно-революционным национализмом»²⁰. Левые признавали, что без Перона революция невозможна, но Перона еще предстояло убедить в неизбежности социалистической перспективы «национальной революции»²¹.

Если Пуиггрос пришел в перонизм извне, с левого фланга, то Дж. В. Кооке, как яркая и влиятельная по своей близости к Ге-

---

¹⁷ Debate Rodolfo Puiggrós – André Gunder Frank (sobre los modos de producción en América Latina) // Cuadernos de la memoria. P. 8-9. (www.elortiba.org)

¹⁸ Terán, 1993. P. 52.

¹⁹ Langieri, 2013. P. 160.

²⁰ Friedemann, 2018. P. 498.

²¹ Friedemann, 2014. P. 77-79.

нералу фигура, был первым изнутри перонистского движения, увидевшем необходимость левого поворота. Кооке стал депутатом конгресса в 1946 г., всегда принадлежал перонизму, в котором он видел самое полное выражение народного и демократического национализма, а Перон представлялся ему преемником дела Иригойена, знаменовавшего приход народных масс в большую политику²². В 1956 г. Перон назначил Кооке своим представителем в «перонистском сопротивлении». В 1962 г. Кооке писал Перону: «Единственным, чем может быть наше движение, и оно таким и является, так это движением национального освобождения, левым движением, так как предлагает заменить капиталистическую систему иными общественными формами в соответствии с условиями нашей страны»²³. Кооке принадлежала идея «революционного перонизма» как синтеза левых традиций, национализма и марксизма, так как традиционная, либеральная «левая» (социалисты и коммунисты) остается в плену своих классических воззрений, оторванных от национальной действительности, а главное – от народных масс²⁴.

После провала военного путча «перонистской реставрации» генерала Валье в июле 1956 г. Кооке из тюрьмы создал орган координации перонистского сопротивления Командо (Отряд столицы) (*Comando peronista de la capital*). В 1957 г. Кооке создал Национальную координационную комиссию, которая и возглавила сопротивление. Перон поддерживал все эти усилия и ставку Кооке на рабочий класс, тем самым поддержав левый тренд перонизма. Сдвиг влево в перонизме, кроме того, объяснялся общим недовольством забюрократизированным и нерешительным руководством партии, что особо ярко проявилось во время переворота 1955 г. и впоследствии в организации сопротивления. Кооке даже после провала «революционной забастовки» и восстания на «Фригорифике Лисандро де ла Торре» продолжал ставить задачу вооруженного пути возвращения к

---

²² Cooke, 2011. P. 8-9.

²³ Gil, 2019. P. 43.

²⁴ Cooke, 2011. P. 14.

власти Перона: «Всеобщее восстание, взятие власти Пероном и рабочим классом, повешение на столбах всех горилл (правых), разрушение экономического потенциала олигархии, чьи источники власти перейдут народу»²⁵.

В начале 60-х гг. Кооке подталкивал перонизм в новое политическое направление и сам при этом проделал значительную идеологическую эволюцию. Решающим фактором в этом процессе стала Кубинская революция. Как писал Х.К. Портантьеро, Кооке тогда увидел в опыте Кубы возможность слияния национально-народного движения и революционного марксизма, национальной и антиимпериалистической и антикапиталистической революции, которую предлагал исторический материализм. Последний, однако, по его мнению, был извращен коммунистическими партиями²⁶. Отвечая на критику справа внутри перонизма, Кооке писал: «В современных условиях национализм возможен только как последовательная антиимпериалистическая политика»²⁷.

Кооке признавал, что перонизм остается единым движением не благодаря какой-то идее или идеологии, а объединяет его личность Перона. И это большая проблема для движения, так как достаточно заявлять о верности лидеру и делать самые предательские по отношению к общему делу поступки²⁸. На него, как и на многих других левых перонистов, большое впечатление произвела Кубинская революция. Надо отметить, что аргентинские правые и антиперонисты сначала с восторгом приветствовали Кубинскую революцию, а во время визита Фиделя в 1960 г. в Аргентину его радостно приветствовали в буржуазных районах, а в рабочих он встретил холодный прием. Причина состояла в том, что аргентинские правые изображали кубинскую революцию, свергнувшую диктатора Батисту, подобной перевороту против Перона, тоже диктатора и демагога. Это не смутило Кооке, и в мае 1960 г. он отправился на Кубу, его энту-

---

²⁵ Gil, 2019. P. 77.

²⁶ Portantiero, 1973. P. 370-371.

²⁷ Cooke, 2011. P. 9-10.

²⁸ Gil, 2019. P. 123-124.

зиазм даже привел его в ряды Повстанческой армии, в рядах которой он сражался на Плайя-Хирон. Кооке предлагал соединить перонистскую идею с «кубинским революционным методом», выступал за организацию повстанческого, партизанского движения в стране, вписав Аргентину в процесс континентальной революции. Позиция Кооке нашла поддержку в призыве Перона в 1960 г. поддержать движение национального освобождения в Египте, Алжире, на Кубе²⁹.

Кооке предпринимает иллюзорную и утопическую попытку поменять идеи и самого Перона, что в конце концов приводит его к разочарованию в Генерале. Он долго и безуспешно пытался убедить Перона перебраться из Мадрида в Гавану и объявить перонизм левым, революционным движением. В конце своей жизни (умер в 1968 г) Кооке говорил о преодолении перонизма, который перестанет быть некой отдельной политической группы, а превратится в общенациональное народное антикапиталистическое движение в борьбе за социализм³⁰. Он, опираясь на заявления Перона, говорил, что национальная революция в условиях Аргентины и всей Латинской Америки и есть «социальная революция»³¹.

Кооке и шедшие за ним левые (созданное им в 1963 г. Революционное перонистское действие) решаются отказаться от аксиомы движения, что его символом, идеей и целью является сам Перон. В программном документе 1967 г. Кооке писал: «Перон является максимальным выражением буржуазно-демократической политики в Аргентине, он пред-марксист, симпатизирующий по общему пониманию исторического хода общественным силам будущего, что, однако, не означает, что он готов перейти к революционной политике, понимаемой как единство теории, организации и методов борьбы... Сегодня для нас революционный авангард – это левый перонизм»³². По словам Кооке: «Перонизм – это ни клуб, ни буржуазная партия, в

---

²⁹ Tortti, 2013. P. 251.

³⁰ Cooke, 1973. P. 17.

³¹ Tortti, 2013. P. 250.

³² Gil, 2019. P. 126-127.

которую можно вступить. Перонизм, главным образом, это опыт нашего народа,... это те, кто себя идентифицирует с интересами этого народа»³³. По его мнению, перонизм может быть поликлассовой партией, но идеологически должен выбирать между буржуазией и пролетариатом³⁴. Для Кооке выбор был ясен – перонизм должен вооружиться пролетарской идеологией. Таковой был марксизм.

Кооке утверждал, что перонизм является выражением пролетариата, на который он и опирается. Он противопоставлял пролетарскую этику буржуазной, солидарность – конкуренции и абстрактной свободе. Солидарность была положена в основу пролетарского перонизма³⁵. Яркий представитель левого перонизма, редактор журнала «*Militante peronista*» Родольфо Ортега Пенья, определяя идеи Кооке писал, что для него «поликлассовость перонизма было тактическим ходом, а его выражение революционной теории подчинялось смыслу и интересам трудящихся классов, то есть социалистическому выбору». Более того, это понимание не противостояло интересам национальной буржуазии, которая будет играть конструктивную роль в переходе к новому обществу³⁶.

Кооке считал проверенным кубинский метод, и его следовало принять для аргентинской революции. Он считал, что начало партизанской войны приведет к взрыву в городах³⁷. Авангардная роль принадлежала молодежи, более всего способной пойти на вооруженный вызов правящему режиму. Кооке видел в молодежи, студентах необходимое и обязательное единение всех левых: «великие вопросы национальной жизни объединяют независимых марксистов, католиков, революционных перонистов, коммунистов и других»³⁸.

---

³³ Cooke, 1973. P. 16.

³⁴ Cooke, 2011. P. 19.

³⁵ Cooke, 2011. P. 251-252.

³⁶ Cooke, 1973. P. 15.

³⁷ Bozza, 2001. P. 162.

³⁸ Cooke, 2011. P. 123.

Левые перонисты не отрицали буржуазного характера режима Перона, свергнутого в 1955 г. Однако они были убеждены, что перонизм (и сам лидер) переживает период революционной трансформации. Родольфо Ортега Пенья писал: «Перонизм, когда был у власти, подменил идеологию реальности (капитализм народного государства) доктриной, диктуемой конъюнктурой, что было использовано контрреволюцией, стремившейся закрепить ее навсегда». Перонизм в период сопротивления выделял антиколониальный, антиимпериалистический аспект борьбы. Однако в начале 70-х, по словам Ортеги, при возвращении во власть ему вновь угрожало увлечение конъюнктурной политикой, далекой от революционных идеалов и задач³⁹. Он критиковал правое руководство за иллюзию восстановить «союз 1945 г.» – народа, армии и церкви, в то время как на повестке дня антиимпериалистическая борьба и социальная революция.

В 1964 г. Кооке писал, что перонистское движение расколо-то практически на непримиримые части. С одной стороны, «мятежный перонизм, угрожающий привилегиям», и с другой, косный и бюрократизированный аппарат, исповедующий только буржуазные ценности. Из этого внутреннего кризиса перонизм должен преобразиться в революционное движение⁴⁰.

В 1964 г. группа молодежи близкая Сильвио Фрондиси, независимому марксисту троцкистского толка, приняла манифест «Третье историческое движение», суть которого сводилась к констатации необходимости сближения социализма и национализма, марксизма и перонизма. Документ признавал, что новое поколение аргентинцев – это продукт перонизма, тех изменений, которые произошли в стране за годы правления Перона. «Факт перонизма» нельзя было игнорировать на левом фланге, без него невозможно никакое политическое действие марксистов⁴¹.

Однако готовность перонизма после 1962 г. к сотрудничеству со всеми левыми партиями встречало не только энтузиазм,

---

³⁹ Cooke, 1973. P. 17.

⁴⁰ Cooke, 1973. P. 36-37.

⁴¹ Altamirano, 1992. P. 14.

но и скептицизм в этих партиях, прежде всего из-за гегемонистских претензий перонизма включить их в движение, отвергнув их идейный багаж. Социалисты-авангарда, партия левых социалистов, порвавшая с реформизмом старой соцпартии, в своих документах заявляли: «Альянс с левыми партиями интересуется перонизмом только, чтобы помешать рабочим партиям конкурировать с ним внутри рабочего движения»⁴².

Путь к перонизму проделали разные троцкистские группы и деятели. Особое место среди них занимает оригинальный политик и публицист Хорхе Абелардо Рамос, чьи работы всегда имели общекоонтинентальный резонанс. Если в 1945 г. он писал, что «только конченные кретины могут поверить обещаниям Перона»⁴³, а сам перонистский режим характеризовал как бонапартистский, то со временем он меняет свое отношение к перонистскому движению. Через «критическую поддержку» Перона Х. Абелардо Рамос все более сближался с левым перонизмом. В 1962 г. он создал Социалистическую партию национальной левой (PSIN), которая затем в 1971 г. была преобразована во Фронт народной левой, поддерживавший перонизм, хотя и не вступавший в Хустисиалистскую партию вплоть до 1994 г.

PSIN была партией сближения марксистов-социалистов с перонизмом. Партия заявляла, что ее целью является добавить перонизму «четвертое знамя» (к уже провозглашенным: социальной справедливости, экономической независимости и политическому суверенитету), – а именно, «народного и рабочего правительства»⁴⁴.

Влиятельной фигурой PSIN был выдающийся аргентинский философ и писатель пост-марксист Эрнесто Лаклау, ставший символической фигурой аргентинских «новых левых». Он вступил в партию Рамоса в 1963 г., увлеченный идеей через троцкизм сблизиться к перонизмом. Не изменяя своим троцкистским убеждениям, Рамос в 60-е гг. стал формулировать принципы «националистического марксизма», что сближало его

---

⁴² Tortti, 2009. P. 335.

⁴³ Ribadero, 2017. P. 41.

⁴⁴ Acha, 2013. P. 60.

позиции с левым флангом перонизма⁴⁵. Он создал так называемое течение «национальной левой», ставившей своей целью «национальный социализм» с опорой на массы, на перонистский народ. Аргентинский исследователь Орасио Таркус писал: «Национальная левая формировала свою идентичность, сводя счеты со старыми левыми течениями, прежде всего с коммунистами»⁴⁶.

Левый перонизм и «новые левые»

Одной из ярких характеристик общественной атмосферы Аргентины 60-х годов был «взрыв» интереса к идейным теоретическим поискам на левом политическом фланге. Ярким проявлением этого процесса было образование многочисленных общественно-теоретических журналов, составивших по словам писателя и публициста Рикардо Пильи «лучшую эпоху» истории аргентинской мысли⁴⁷.

Период 1956-1966 гг. был сложным политически, но богатым на зарождение новой, продуктивной мысли. Об этой особой атмосфере аргентинских 60-х годов писал Оскар Теран: «В интеллектуальной сфере течения различной идейной традиции создали особое явление критической культуры... Сартровский экзистенциализм предложил благоприятный идейный климат, подтолкнул к «социализации» и «национализации» повестки дня, что вело к решению проблемы перонизма, без чего было немислимо понимание положения в стране. Это была узкая полоса возможностей понимания между, с одной стороны, идеологических установок в их отношении к социально-политической реальности, а с другой, конфронтацией с рабочим классом, массово выражавшем приверженность к идеологии и практике перонизма»⁴⁸.

---

⁴⁵ Ribadero, 2017. P. 299.

⁴⁶ Tarcus, 1996. P. 23.

⁴⁷ Ricardo Piglia: entre la política y la literatura. 2019. P. 31.

⁴⁸ Terán, 1993. P. 25.

«Новые левые», по мнению одного из основателей британского неомарксизма и «новых левых» Стюарта Холла, возникли в обстановке после XX съезда КПСС и критики сталинизма, но также и такими событиями как советская интервенция в Венгрию в 1956 г. и франко-британская интервенция в Суэцком канале, заложив в рождение «новых левых» противостояние западному империализму и сталинизму. В этом движении нашли выражение независимые традиции социализма, демократии, недогматического восприятия марксизма и других левых течений мысли. В Латинской Америке они привели к появлению различных «национальных» течений социализма, в том числе и на фланге, который «новые левые» называли «национально-народным»⁴⁹.

Как писал Оскар Теран, аргентинские «новые левые» появились либо из разрыва с традиционными левыми, социалистами и коммунистами, либо зарождались как отдельное течение внутри этих движений, а по сути, были «левыми националистами, или марксистскими националистами»⁵⁰. Для аргентинских «новых левых» был характерен идейный поиск, включавший обращение к «молодому Марксу», Грамши, европейскому неомарксизму и структурализму (главным образом, к Альтюссеру), национализму, экзистенциализму, революционному христианству. Все эти идейные увлечения политически строились вокруг левого перонизма, предлагавшего включить в себя самую широкую идейно-политическую палитру левых идей и теорий. На таких лево-перонистских лидеров и идеологов как Кооке большое влияние, как на всех «новых левых» 60-х, оказали работы Грамши и грамшианские интерпретации западного и латиноамериканского марксизма⁵¹.

Диссиденты из социалистической и коммунистической партии, организовавшие свои партии и группы, предложили свои площадки для дискуссии о революции и текущей ситуации в Аргентине и мире в виде журналов, среди которых выделялись

---

⁴⁹ Hall, 2010. P. 177-179.

⁵⁰ Terán, 1993. P. 92-95.

⁵¹ Burgos, 2004. P. 197.

издававшиеся левыми социалистами «Situación» и «Che», предлагавшие сближение с «боевыми секторами» перонизма⁵².

Левый перонизм в лице Кооке видел в «новых левых», в «независимых марксистах» своих самых близких и возможных соратников и союзников. Между тем, коммунистов они рассматривали как отнюдь не революционную силу. Кооке писал, что если бы была на то воля компартии Аргентины, буржуазный режим продлился бы ещё 800 лет⁵³. Ряды «новых левых» пополняли диссиденты компартии (кастристы и маоисты) и соцпартии, которые видели в перонизме близких союзников. Левые социалисты создавали свои партии – Партия Социалистического Авангарда, Партия Народного Авангарда – выступавшие за сотрудничество с перонистами. Часть членов этих партий уходила в перонистские организации, которые представляли реальное движение масс.

В рядах «новой левой», видевшей будущее в сотрудничестве с перонизмом как с представителем рабочего класса, происходили процессы размежевания по линии политического союза с перонизмом. Из Национальной левой Хорхе Абелардо Рамоса, сочетавшей троцкизм и антиимпериалистический национализм, в 1972 г. вышла группа интеллектуалов, создавших журнал «Cuadernos del Socialismo Nacional». В нее входили выдающийся интеллектуал Э. Лаклау и яркий публицист и художник Рикардо Карпани. Эта группа в отличие от Рамоса выступала за полное слияние с левым перонизмом.

В своем первом номере они четко определили свое несогласие с существующими в рядах левых сил определением перонизма. Во-первых, с определением коммунистов и либералов перонизма «как специфической аргентинской формы фашизма». Во-вторых, с точкой зрения Пуиггроса, для которого перонизм был антиолигархическим и антиимпериалистическим движением освобождения подобное, и посему следовало вступать в его ряды для создания там социалистического крыла, ну а «государственный капитализм» перонизма – это шаг к социа-

---

⁵² Política y Cultura, 2016. P. 130.

⁵³ Cooke, 2011. P. 222.

лизму. В-третьих, позиция «Национальной левой» Рамоса совпадала в целом с Пуиггросом, дополняя его теорией перманентной революции, что предполагало создание независимого рабочего движения, которое выйдет на первый план, когда перонизм исчерпает свои буржуазно-реформистские задачи. В-четвертых, «заблуждающимися», по их мнению, были те ультралевые, которые борьбу перонизма и олигархии рассматривали как внутриклассовый буржуазный конфликт, чуждый рабочему классу.

Сама же эта группа считала ошибочными выдвижение задач буржуазно-демократической революции и идентификацию перонизма с буржуазией. Перонизм должен осуществить задачи этой революции, но буржуазия тут ни при чем, это было делом рабочего класса по главе классового союза. На новом историческом этапе перонизм представлял собой новый революционный национализм, являющийся новым высшим уровнем классового сознания рабочего класса, так как это диктует (в полном соответствии с маоизмом и идеями Альтюссера о сверхдетерминации) основное противоречие – угнетение нации империализмом, решение которого поведет страну по социалистическому пути. Перонизм уже разделился на «революционный перонизм», ставящий задачу формирования партии авангарда, и «движение», которое оставалось приверженцем буржуазного реформизма и национализма. В этих условиях другие левые силы должны влиться в «революционный перонизм», который сам должен был отделиться от правой части партии и стать столь желанным революционным авангардом рабочего класса⁵⁴.

Важным явлением на левом крыле перонизма было появление «революционных христиан», последователей теории «теологии освобождения» Камило Торреса. Странники «теологии освобождения» в Аргентине, священники, такие как Карлос Мухика, ставший мучеником и символом левого католицизма, ранее бывшие антиперонистами, теперь заявляли, что быть антиперонистом и христианином вещи несовместные. О самом себе Мухика писал, что стал перонистом через личную христи-

---

⁵⁴ Algunas definiciones, 1972. P. 1-5.

анизацию, ибо перонизм означает народ, бедняков, их права и интересы⁵⁵.

Ярким проявлением сближения перонизма с этим интеллектуальным и политическим движением «новых левых» был журнал «Христианство и революция», основанный Хуаном Гарсией Элоррио. Журнал, выходявший большим тиражом 2-5 тыс экземпляров, оказал большое влияние на левый перонизм. Сам журнал был выражением оппозиции военной диктатуре Онгани, был выражением симпатий к революционной альтернативе, к вооруженной борьбе. Вокруг него объединялись интеллектуалы, являвшиеся восторженными последователями «теологии освобождения», обновления католической церкви после Второго Ватиканского собора. Эти интеллектуалы не захотели остаться в рамках духовной оппозиции, а искали слияния с революционными группами, близкими им по мировосприятию и целям, и среди последних важное место заняли левые перонисты. Журнал с самого своего основания большую часть своего публикационного и интеллектуального пространства выделил левому перонизму⁵⁶. Сам Гарсия Элоррио более ассоциировал себя с «революционным перонизмом», был близок Кооке, но также с большим вниманием относился к другим левым течениям, особенно к диссидентам КПА⁵⁷, в то время как официальную компартию на страницах журнала называли не иначе как предательницей революции и представительницей московской бюрократии.

Этот журнал стал выражением революционности городских низов (городского плебейства) и континентальной солидарности. В нем постоянно говорили о Кубинской революции, о Вьетнаме, алжирской войне, Мао Цзэдуне, и только дважды (во всех 30 номерах) упоминается СССР⁵⁸. Это было новое направление в левом движении, решительно отмежевывавшееся от традиционных левых, прежде всего, коммунистов. Особое полити-

---

⁵⁵ Sarlo, 2007. P. 146-147.

⁵⁶ Gil, 2019. P. 196.

⁵⁷ Morello, 2003. P. 83.

⁵⁸ Gil, 2019. P. 204.

ческое внимание получило освещение идей и практик повстанческих движений, таких как тупамарос и монтонерос.

Журнал (Гарсия Элоррио) выбрал два лозунга: слова Камило Торреса «долг каждого католика – быть революционером», и фразу Че Гевары – «долг каждого революционера – делать революцию»⁵⁹. Этот журнал совпадал с левыми перонистами не только в антиимпериалистической заостренности их программы, но в понимании социализма (в версии перонистов – национального социализма), который должен был быть не только новой экономической, но и ценностной системой, прежде всего, солидарности и отказа от личного и социального эгоизма, что позволяло сочетать христианскую веру с марксизмом и хустисиализмом⁶⁰. В этом журнале левые перонисты доказывали, что только Перон способен объединить аргентинский народ во имя революционных целей социализма⁶¹. Утверждалось, что перонизм является представителем и одновременно единственным законным выразителем нужд аргентинского пролетариата, и без перонизма нельзя даже думать о возможности революции и «социалистической родины»⁶².

В этом идейно-политическом течении, близком перонизму, рассматривали многие левые идеи, в том числе и выходящие на рамки советского марксизма. Привлекали к себе идеи Мао об империализме как главном противоречии для отсталых стран. Левые перонисты также отдали дань увлечения Мао: опираясь на его тезисы, говорили – либо страна останется иностранной колонией, либо нужна бескомпромиссная борьба с империализмом, чтобы стать «свободным народом»⁶³. Перонисты утверждали, что борьба с империализмом важнее классовой

---

⁵⁹ Morello, 2003. P. 82-83.

⁶⁰ Eliashev J.R. Los guerrilleros y los traidores // Cristianismo y Revolución. № 16. 1969. P. 25.

⁶¹ Nuestra opción por peronismo // Cristianismo y Revolución. № 30. 1971. P. 27-30.

⁶² La revolución de las bases // Cristianismo y Revolución. № 29. 1971. P. 12-13.

⁶³ Dri R. Alienación y Liberación // Cristianismo y Revolución. № 26. 1970. P. 60-61.

борьбы. Эта идея лежала в основании перонистского «национального социализма».

Здесь уместно привести мнение Эктора Шмуклера, одного из основателей и активных участников группы-журнала «Pasado у Presente»: «Перонизм, Монтонерос, «Перонизм базы», весь левый перонизм был грамшианским, перонизм воспринял грамшианский марксизм, но и идеи Мао. И это не случайно. И тот, и другой обращались к народным секторам, которые были подобны народному движению перонистов; оба, при известных различиях, обладали явной теоретической волей разобраться с «частным», «отдельным», «национальным». Это было близко перонистам. Левый перонизм, «монтонерос», «базовый перонизм» в большей степени, несравнимо большей, чем компартия, приняли идеи Грамши как двигатель обновления марксистской мысли, а компартия не только их не использовала, но и была антиграмшианской»⁶⁴. Как писал Оскар Теран: «Pasado у Presente выразил собой эпоху исторических обстоятельств, поколенческий факт, культурный выбор и даже политическую ставку на осознанный поиск новым поколением приверженцев марксизма в революционную эпоху необходимого слияния с рабочим классом»⁶⁵. А рабочий класс был перонистским, и не признавать это было уже бессмысленно, даже коммунисты соглашались с этим.

Группа журнала «Pasado у Presente», в начале 70-х уже ставшая влиятельным интеллектуальным центром, и в которой преобладали структуралисты альтюссеррианского направления и маоисты, стала центром дискуссий про-перонистских марксистов и про-марксистских перонистов⁶⁶, которые, в свою очередь, более всего ориентировались на маоизм. Сам же журнал все более сближался с монтонерос, о чем свидетельствовали редакционные статьи в журнале в 1973 г., делавшие политиче-

---

⁶⁴ Burgos, 2004. P. 192.

⁶⁵ Terán, 1993. P. 162.

⁶⁶ Burgos, 2004. P. 207.

скую ставку на революционный перонизм⁶⁷. Журнал-группа заявлял, что в сложившихся условиях появилась новая сила – левый перонизм, который «следует за настроениями масс, выражает новое содержание своего присутствия в обществе». Левый перонизм представлялся возможным руководителем масс и партией-авангарда: «На группы революционного перонизма ложится огромная политическая ответственность, поскольку он является ядром нового направления революционного процесса в Аргентине, ... с перспективой строительства массовой организации с социалистическими целями»⁶⁸. Такой попыткой построения революционного авангарда стали многочисленные повстанческие движения и группы, самыми известными, и имя которых стало нарицательным для всего это политического спектра, были монтонерос, сыгравшие значительную политическую роль в 70-е годы. Однако история монтонерос выходит за рамки этой работы.

Коммунисты и левый перонизм

На выборах в 1962 г. КПА поддержала кандидатуру перониста и синдикалиста Андреса Фрамини. Изменение политики в отношении перонизма лидер коммунистов В. Кодовилья объяснял «левым поворотом» в перонизме. Ещё в 1959 г. один из влиятельных идеологов компартии Эктор Агости обращал внимание, что аргентинский рабочий класс в основе своей привержен перонизму, и без учета этого факта невозможно говорить об аграрной и антиимпериалистической революции⁶⁹.

Сближение марксизма и перонизма, появление такого явления как «новые левые» неизбежно вызывали у коммунистов стойкое неприятие. Их идеолог Э. Агости писал: «Национальный марксизм или национальная левая односторонне преувели-

---

⁶⁷ La “larga marcha” al socialismo en Argentina // Pasado y Presente. Nueva serie. No.1. abril-junio de 1973. P. 18-23.

⁶⁸ La crisis de julio y sus consecuencias políticas // Pasado y Presente. Nueva serie. No.2/3. Julio-diciembre de 1973. P. 188.

⁶⁹ Prado Acosta, 2013. P. 66.

чивает национальные особенности (если даже не извращает или перевирает их), игнорирует существование социалистического мира, который как раз и является опорой национального освобождения, ищут третий путь, любитесь своим левым экстремизмом, а на деле впадает во все ограниченности буржуазного национализма»⁷⁰.

На XII съезде партии в 1963 г. КПА ставила задачу «направить» в нужное русло перонистские массы. Тогда Кодовилья предложил создать «единую партию аргентинского пролетариата», объединившись с перонистами на основе принятия марксизма-ленинизма (советского образца), что было абсолютно нереально, так как означало приглашение перонистам вступить в КПА. Э. Агости также понимал «левый поворот» перонизма как сближение с марксизмом, но с перспективой вместе с КПА создать «единую массовую рабочую партию на принципах марксизма-ленинизма»⁷¹.

Политике единства КПА противостояла позиция левых перонистов, в частности Кооке, который в 1962 г. писал, что коммунисты ошибаются, и их политика неприемлема. Единство будет формироваться внутри перонизма, и его характер будет зависеть от позиций левого перонизма⁷². Для перонистов имело значение только положение внутри движения, которое приравнивалось ко всему аргентинскому народу, «перонистскому народу», и коммунисты имели единственный шанс – принять эту реальность и присоединиться к этому народу. Тогда Кооке вовсе отрицал реальность электоральной политики и считал Кубу примером пути революции, а КПА осуждала насилие и погрязла в реформизме. Кооке и левые перонисты именно через революционное насилие рассчитывали вернуть власть перонистскому народу, его вождю Перону.

Кубинская революция поставила сложные проблемы перед КПА. Куба привлекла к себе левых перонистов. КПА находилась в оппозиции политике Кубы на континенте, занимая дву-

---

⁷⁰ Gerlo, 2016. P. 246.

⁷¹ Gerlo, 2016. P. 248.

⁷² Cooke, 1973. P. 374.

смысленную позицию ввиду политики СССР в отношении Фиделя Кастро. Формально оставаясь дружественной партией, КПА явно не одобряла курс на развертывание континентальной революции через насаждение тактики партизанского очага. Кроме того, не без раздражения руководство КПА отмечало поддержку кубинцами левых диссидентов в КПА, перонистов, левых социалистов.

Компартия, по иронии судьбы, разделила с перонистской партией судьбу проскрипций, запрета на участие в выборах. КПА боролась за свою полную легализацию, но безуспешно. В 1965 г. в партии обсуждалась возможность призыва к своим сторонникам голосовать за перонистов (выступавших от партий прикрытий или от неперонистских организаций), либо за социалистов в случае, если партия не добьется полного признания. Коммунисты заявляли, что союз коммунистов и перонистов – залог мощного народного движения. Конечно же, КПА считала, что она должна быть ведущей силой. Судя по комментариям в советском посольстве одного из руководителей компартии Эрнесто Джудичи (Giudici) в феврале 1965 г., КПА с большим желанием пошла бы на союз с единой перонистской партией и умеренной группой Вандора (перонисты без Перона), чем с левыми. И у коммунистов были несомненные резоны для этого: среди так называемых левых перонистов были такие группы как группа Эктора Вильялона с его промаоистскими позициями и «Перонистский альянс – Освободительный националистический альянс» Гильермо Келли, который в годы правления Перона был откровенно «фашистской» организацией, проповедовавшей антисемитизм, корпоративизм и антилиберализм. От рук этого Альянса в те годы погибли многие коммунисты. И хотя затем Келли раскаялся и даже заявил о принятии марксизма, компартия не открывала свои объятия таким союзникам и занимала выжидательную позицию⁷³.

---

⁷³ Беседа с Эрнесто Юдичи (Джудичи) в посольстве, 30 января 1965 г. – Российский государственный архив новейшей истории (далее РГА-НИ). Ф. 5, оп. 50, д. 691. Л. 40-41.

Возвращение Перона к власти в 1973 г. было воспринято коммунистами с надеждой, связанной с ожидаемой демократизацией и изменениями во внешней политике с большей открытостью к Москве. Однако через год Перон скончался. Генеральный секретарь КПА Арнедо Альварес говорил в советском посольстве в январе 1975 г.: «Протягивая руку Москве и Гаване, Перон начал борьбу внутри своей партии против проникновения «марксистов», почистил левых в парламенте, произвел миниперевороты в ряде провинций, удалив с политической сцены младоперонистов, заменив их ортодоксами эпохи холодной войны. Возможно, перед своей смертью Перон понял, что сделанные им шаги в сторону «востока», буржуазных свобод и легализации компартии, являются роковыми для аргентинской буржуазии. Возможно, он и впредь продолжал бы вести Аргентину по пути, пролегающему между СССР и ААА⁷⁴, но однако 1 июля 1974 г. его не стало, и с политической сцены ушел действительно большой мастер маневрирования, убежденный противник империализма янки, трезвый стратег, понимавший, что диктаторская форма правления Аргентине больше не к лицу. Несмотря на противоречивость Перона, он поддерживал в стране конституционный режим, и Коммунистическая партия Аргентины является, может быть, единственной политической организацией, искренне сожалеющей, что Перона уже нет»⁷⁵.

Отношения КПА и монтонерос не были очень благотворны, хотя коммунисты стали поддерживать связь с троцкистской РРТ, которая покинула традиционные антисоветские позиции и даже присылала в советское посольство поздравления с праздником Октября⁷⁶. Монтонерос даже послали в 1975 г. Москву Марио Фирменича, но серьезного сотрудничества или даже взаимопонимания не получилось⁷⁷. Фирменича в Москву со-

---

⁷⁴ ААА – Аргентинский антикоммунистический альянс

⁷⁵ Запись беседы с Арнедо Альваресом в советском посольстве 24 января 1975 г. – РГАНИ. Ф. 5, оп. 68, д. 2138. Л. 23.

⁷⁶ Запись беседы с Арнедо Альваресом, 24 января 1975 г. – РГАНИ. Ф. 5, оп. 68, д. 2138. Л. 23.

⁷⁷ Rot, 2006. P. 39.

проводил сотрудник кубинского посольства в Аргентине Кристо Эрнандес де Медина. Кубинцы поддерживали монтонерос, в чем расходились с советской позицией и КПА. Кубинцы убеждали советское посольство, что секретная программа монтонерос является марксистско-ленинской. Через них Фирменич просил установить прямой контакт с посольством СССР, но Москва на это не пошла⁷⁸.

Кубинцы по-прежнему занимали особую позицию в латиноамериканских и аргентинских делах, несмотря на то что это уже была не середина 60-х, а середина 70-х, когда Куба давно и окончательно вошла в советскую внешнеполитическую систему. Тем не менее, кубинцы по-прежнему крайне критически относились к компартии и делали ставку на левых перонистов, а коммунистов называли «некомпетентной, нерешительной и слабой партией». Кубинцы считали монтонерос «подлинными выразителями интересов аргентинского пролетариата»⁷⁹. Кубинская позиция представлялась СССР большой проблемой в аргентинском вопросе, прежде всего, в отношениях коммунистов и перонистов.

Посол в Аргентине специально проинформировал КПА о переговорах Фирменича в Москве, на что Арнедо Альварес заявил, что партия не одобряет линию монтонерос на подпольную работу, хотя пока те действовали легально коммунисты в ними сотрудничали. КПА скептически отнеслась к контактам русских с Фирменичем, которого они считали подозрительной фигурой, обвиняя в том, что тот принимал участие в убийстве Арамбуру⁸⁰ «именно в тот момент, когда тот выступил с антиимпериалистической программой». Коммунисты предпочитали политический союз с «истинными перонистами» Фрамини, ко-

---

⁷⁸ Запись беседы с первым секретарем посольства Кубы Кристо Эрнандесом де Мединой 2 апреля 1975 г.– РГАНИ. Ф. 5, оп. 68, д. 2138. Л. 47-48.

⁷⁹ Информация ЦК Болгарской компартии от болгарского посольства на Кубе от 20 июня 1975 г.– РГАНИ. Ф. 5, оп. 68, д. 2138. Л. 63-64.

⁸⁰ Генерал П.Э. Арамбуру в 1955 г. возглавил переворот, свергнувший Перона, проводил репрессии против перонистов. Был похищен и убит монтонерос в 1970 г.

торая на самом деле была легальным крылом тех же монтонерос, но ни в коем случае с самими монтонерос, которых коммунисты не хотели поддерживать⁸¹. КПА была одной из тех компартий, которые в январе 1975 г. категорически выступили против инициативы кубинцев расширить предстоящее в Гаване совещание компартий региона за счет включения в него «повстанческих» организаций, таких как монтонерос⁸². Коммунисты продолжали видеть в перонизме более успешного конкурента, но никак ни союзника.

Феномен левого перонизма в 60-70-е годы имел большое значение для будущего перонистского движения, в котором всегда сосуществовали, порой довольно немирно, крайне правые и лево-радикальные течения. В эти годы левый перонизм эволюционировал в сторону марксистских течений, обрел свою идентичность в противостоянии не только с правым перонизмом в его национал-реформистском и даже квазифашистском облики, но и с догматическим марксизмом просоветских коммунистов в Аргентине. Именно из левого перонизма вышли многочисленные группы и течения, в том числе и интеллектуальные, «новых левых». Коммунисты только на словах приветствовали левый тренд эволюции перонизма, оставаясь его убежденными противниками, следуя своим идейно-политическим установкам, унаследованным со времен Коминтерна о национал-реформизме, о борьбе за гегемонию в рабочем движении, о непримиримой борьбе с неортодоксальным марксизмом. Левая идея в перонизме потерпела крах после возврата Перона на пост президента, и в 1974 г. произошел окончательный развод левых и правящей группы перонизма и самого Генерала. Исторически левый перонизм трансформировался в течение «новых левых», а 2000-е годы его наследие были вос-

---

⁸¹ Запись беседы с Арнедо Альваресом от 11 марта 1975 г. – РГАНИ. Ф. 5, оп. 68, д. 2138. Л. 36-38.

⁸² Запись беседы с Орестесом Гиольди в советском посольстве 12 февраля 1975 г. – РГАНИ. Ф. 5, оп. 68, д. 2138. Л. 31.

принято перонистским мейнстримом, в то время как компартия фактически исчезла с политической карты страны⁸³.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Acha O.* Del populismo marxista al postmarxista: la trayectoria de Ernesto Laclau en la Izquierda Nacional (1963-2013) // Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda. № 3. 2013.
- Acha O.* La Nación Futura: Rodolfo Puiggrós en las encrucijadas argentinas del siglo XX. Buenos Aires: Eudeba, 2006.
- Algunas definiciones para una caracterización del peronismo // Cuadernos del socialismo nacional latinoamericano revolucionario. № 1. 1972.
- Altamirano C.* Peronismo y cultura de izquierda (1955-1965) // Latin American Study Center. University of Maryland. No.6. 1992.
- Bozza J. A.* El peronismo revolucionario. Itinerario y vertientes de la radicalización, 1959-1969 // Sociohistórica, 2001. № 9-10.
- Burgos R.* Los gramscianos argentinos Cultura y Política en la experiencia de *Pasado y Presente*. Buenos Aires: Siglo XXI, 2004.
- Cooke J.W.* Aportes a la crítica del reformismo en la Argentina // *Pasado y Presente*. Nueva serie. No.2/3. Julio-diciembre de 1973.
- Cooke J.W.* Apuntes para militancia. Peronismo crítico. Buenos Aires: Schapire ed., 1973.
- Cooke J.W.* Peronismo y revolución. El peronismo y el golpe de Estado. Informe a las bases. Buenos Aires: Tipo Fanzine, 2011.
- Dri R.* Alienación y Liberación // *Cristianismo y Revolución*. № 26. 1970. P
- Eliashev J.R.* Los guerrilleros y los traidores // *Cristianismo y Revolución*. № 16. 1969.
- Friedemann S.* El marxismo peronista de Rodolfo Puiggrós. Una aproximación a la izquierda nacional. Buenos Aires: Instituto de Investigaciones Gino Germani, 2014.

---

⁸³ Став микропартией, КПА в 2019 г. вошла с предвыборный альянс с перонистами в рамках левоцентристской коалиции.

- Friedemann S.* La izquierda peronista de los años sesenta como fenómeno argentino de la llamada nueva izquierda // *Tempo e Argumento*, Florianópolis. v. 10. № 24. 2018.
- Gerlo M.* La disputa por el significado del marxismo: Héctor P. Agosti y las izquierdas peronistas // *Izquierdas*, №29. 2016.
- Gil G.* La izquierda peronista. Transitando los bordes de la revolución (1955-1974). Buenos Aires: Prometeo, 2019.
- Hall S.* Life and Times of the First New Left // *New Left Review*. №61. 2010.
- James D.* Resistencia e integración. El peronismo y la clase trabajadora argentina. 1946-1976. Buenos Aires: Ed. Siglo XXI, 2006.
- La “larga marcha” al socialismo en Argentina // *Pasado y Presente*. Nueva serie. No.1. abril-junio de 1973.
- La crisis de julio y sus consecuencias políticas // *Pasado y Presente*. Nueva serie. No.2/3. Julio-diciembre de 1973.
- Langieri M.* Lucha armada y política revolucionaria en la Argentina de los años sesenta y setenta. Entrevista a J.B., protagonista de la época // *Experimentar en la izquierda. Historias de militancia en América Latina, 1950-1990* / Pensado Leglise P. coord. Buenos Aires: CLACSO, 2013.
- Massot V.* El cielo por asalto. ERP, Montoneros y las razones de la lucha armada. Buenos Aires: El Ateneo, 2013.
- Morello G.* Cristianismo y revolución. Los orígenes intelectuales de la guerrilla argentina. Córdoba: EDUCC, 2003.
- Política y Cultura en los sectores populares y de las izquierdas latinoamericanas en el siglo XX / Hernán Camarero, Manuel Loyola eds. Santiago de Chile: Ariadna, 2016.
- Portantierro J.C.* Introducción a un inédito de Cooke // *Pasado y Presente*. Nueva serie. No.2/3. Julio-diciembre de 1973.
- Prado Acosta L.* Sobre lo “viejo” y lo “nuevo”: el Partido Comunista argentino y su conflicto con la Nueva Izquierda en los años sesenta // *A Contracorriente*. Vol. 11. No. 1. 2013.
- Puiggrós R.* El proletariado en la Revolución Nacional. Buenos Aires: Sudestada, 1968.
- Ribadero M.* Tiempo de Profeta. Ideas, debates y labor cultural de la izquierda nacional de Jorge Abelardo Ramos (1945-1962). Bernal: Universidad Nacional de Quilmes ed., 2017.

- Ricardo Piglia: entre la política y la literatura // Políticas de la memoria. No. 19. 2019.
- Rot G.* El Partido Comunista y la lucha armada// Lucha armada en la Argentina. №7. 2006.
- Sarlo B.* La batalla de las ideas (1943-1973). S.l.: Emecé, 2007.
- Stavale S.* Entre la lucha ideológica y la unidad de acción en las fábricas. La relación del Partido Revolucionario de los Trabajadores con la Tendencia Revolucionaria del Peronismo en los años 70 // Izquierdas. № 36, noviembre 2017.
- Tarcus H.* El marxismo olvidado en la Argentina: Silvio Frondizi y Milcíades Peña. Buenos Aires: ed. El cielo por asalto, 1996.
- Terán O.* Nuestros años sesentas. La formación de la nueva izquierda intelectual argentina, 1956-1966. Buenos Aires: Cielo por Asalto, 1993.
- Tortti M.C.* El “viejo” partido socialista y los orígenes de la “nueva” izquierda. Buenos Aires: Prometeo, 2009.
- Tortti M.C.* Che, una revista de la nueva izquierda, 1960-1961: antología y estudio preliminar de Maria Cristina Trotti. Buenos Aires: CeDInCi editores, 2013.